

УДК 947.084.632:575:929

СТАЛИН — ИНИЦИАТОР, ЛЫСЕНКО —
ГЛАВНЫЙ ПОДСТРЕКАТЕЛЬ УБИЙСТВА
... АКАДЕМИКА НИ. ВАВИЛОВА

Я.Г. РОКИТЯНСКИЙ

На основании архивных данных показано отношение И.В. Сталина к Н.И. Вавилову. По мнению автора, возмездие были близки взгляды Т.Д. Лысенко на генетику. Критические выступления Николая Ивановича против Лысенко раздражали Сталина, однако он медлил с арестом, так как Н.И. Вавилов был широко известен на Западе, и могла последовать отрицательная реакция на его арест, поэтому Сталин выжидал, хотя им уже было репрессировано большое число представителей науки. Ситуация в мире в корне изменилась 1 сентября 1939 г. Началась Вторая мировая война. Фашистская Германия, подписавшая 23 августа Пакт о ненападении с СССР, напала на Польшу Англия и Франция объявили войну Германии. В этой обстановке можно было не принимать во внимание реакцию европейских стран на арест Вавилова. Гениальный ученый был арестован и погиб в саратовской тюрьме.

Ключевые слова: Н.И. Вавилов, Т.Д. Лысенко, П.В. Сталин, наука, генетика, репрессии.

Вопрос о том, какую роль Сталин и его ставленник украинский агроном Т.Д. Лысенко сыграли в гибели гениального биолога, растениевода, генетика Николая Ивановича Вавилова (1887-1943), долгое время был в центре внимания научной общественности [16]. В причастности Сталина к гибели Николая Ивановича никаких сомнений нет. Исследователь такого масштаба и такого влияния на ученый мир СССР и на представителей мировой науки не мог быть арестован и уничтожен без ведома и приказа генсека. О вине Т.Д. Лысенко в гибели Н.И. Вавилова говорили уже в июне 1945 г. в Академии наук СССР [11]. Ученые пришли к выводу о причастности Лысенко к гибели Н.И. Вавилова. Они были хорошо осведомлены о противостоянии Лысенко с Вавиловым в 1936-1940 гг., об их ожесточенных теоретических спорах в то время и о тесных связях Лысенко с НКВД, а также его дружеских отношениях со Сталиным, который и решал вопрос об аресте академика Н.И. Вавилова и расправе над ним.

После смерти Сталина Лысенко было все труднее противостоять общественному мнению, упрекам ученых, в т.ч. и видных представителей сельскохозяйственных наук. Он иногда выходил из себя и кричал: «Я не убивал Вавилова! Я не убивал Вавилова! Я не убивал Вавилова!» Он рассчитывал на то, что документы, хранящиеся в архивах КГБ, как и другие источники на эту тему, будут недоступны и считал, что никто не сможет добраться до истины и обвинить его в соучастии в убийстве. И нынешние поклонники «народного академика» продолжают замалчивать его вину в расправе над Николаем Ивановичем, пытаясь при этом еще опорочить гениального ученого как человека, принизить его научные достижения, считая Лысенко честным человеком и великим ученым. Симпатизирующие Сталину, а такие есть,

к сожалению, и в научной среде, также замалчивают и его роль в этом самом позорном преступлении в истории науки [13]. Никаких конфликтов у Николая Ивановича с властью до конца 20-х гг. не было. Важной вехой его жизни стало поступление в Московский сельскохозяйственный институт, куда он был зачислен 26 августа 1906 г. После его окончания была работа на кафедре частного земледелия, поездка за границу, которая была прервана Первой мировой войной, появление первых научных исследований, участие в экспедициях и переезд летом 1917 г. в Саратов, где он стал преподавателем Саратовских высших сельскохозяйственных курсов, ставших после революции частью Саратовского университета, профессором этого вуза он и был избран позднее [9].

Во всех своих научных занятиях и действиях до осени 1917 г. Николай Иванович получал поддержку не только коллег, но и представителей правящей элиты. Такое положение сохранялось и в первое десятилетие после Октябрьской революции в период работы Николая Ивановича в Саратове, затем в Петрограде. По мнению В.Д. Есакова, саратовский период с лета 1917 по март 1921 г. время окончательного формирования Н.И. Вавилова как выдающегося ученого. В нем удивительным образом сочетались качества скрупулезного исследователя с энциклопедическим научным кругозором, генератора новых идей, определивших в значительной степени развитие ряда научных дисциплин [9]. Несомненно, что необходимо повысить научный статус Вавилова, характеризуя его уже в Саратове как гениального ученого. Каждое его выступление и каждая работа становились вехой в сельскохозяйственных науках. Среди них такие исследования, как «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям» и «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости». На заседании наркомата земледелия после доклада профессора Н.М. Тулайкова, в котором он объяснил суть открытия Николая Ивановича, была принята резолюция: «Принципиально оказать содействия и поддержки профессору Вавилову» [10].

Некоторые публицисты и историки либерального направления утверждали, что новая правящая элита после 1917 г. занималась лишь репрессиями, расстрелами и отличалась невежественностью и низким интеллектуальным уровнем. Это не соответствует действительности. На наш взгляд, значительная их часть представляла собой образованную правящую элиту России, представители которой обрели широкие знания и в ходе политической и партийно-теоретической деятельности. Они предавали большое значение развитию сельского хозяйства, промышленности, науки и культуры. После 1917 г. продолжала существовать Академия наук, возникали новые институты, научные направления и школы [12]. После отъезда из Саратова в Москву, а затем в Петроград Николай Иванович стал заведующим Отделом прикладной ботаники, затем возглавил Всесоюзный институт прикладной ботаники (позднее Всесоюзный институт растениеводства), Институт опытной агрономии. Он ездил в научные командировки в США и во многие другие страны, в 1926 г. был награжден Ленинской премией. Весной 1928 г. его выдвинули в действительные члены Академии наук. В Государственном архиве литературы и искусства были найдены, а затем опубликованы автором 14 рекомендаций от различных институтов, научных учреждений, обществ и групп ученых. Научная ценность и уникальность этих документов в том, что в них содержится объективная оценка научного творчества и деятельности Николая Ивановича, не искаженная событиями 30-х гг., во время которых его научные достижения и деятельность были извращены [19].

12 января 1929 г. Н.И. Вавилов был избран в действительные члены АН СССР. Всех кандидатов партийное руководство разделило на три группы: члены ВКП(б), «кандидаты ближе к нам» и «кандидаты приемлемые». Поскольку Николай Ивано-

вич не был членом ВКП(б) и, несмотря на независимость взглядов, не демонстрировал своего негативного отношения к советской власти, он проходил в АН СССР по третьему списку [8].

К началу 30-х гг. партийная и государственная власть оказалась в руках Сталина и его ближайшего окружения, а деятели, не вошедшие в него, были вытеснены из общественной жизни, при этом многие из них были арестованы, сосланы и в годы «большого террора» расстреляны.

15 марта 1929 г. Сталин провел совещание с представителями опытных сельскохозяйственных научных учреждений. Среди них были и Н.И. Вавилов, а также Н.М. Тулайков, Н.М. Анцилович, П.И. Лисицын, С.К. Чайнов, Н. Кудрявцев, В.Е. Писарев, В.П. Бушинский, Я.Я. Вире и Щеглов. Опубликованный в журнале «Природа» документ из личного фонда Сталина показывает, что в это время Вавилов был неоспоримым лидером в области сельскохозяйственных наук России. В этом качестве он первым выступал с докладом «О положении дел в выведении новых сортов». Его выступление носило обобщающий, очень откровенный, аналитический и конкретный характер. В нем говорилось о достижениях и больших недостатках селекционного дела в СССР, о проблемах, стоящих перед селекционерами. Вавилов говорил о том, что «1) на Севере нет опытных учреждений. Нет в Семиречье. Мало на Урале, закавказских республиках. Необходим ряд мероприятий. Опытного дела в этих районах. 2) Мы отстали по ряду разделов с/х-ва. 1-й съезд Советов выдвинул идею создания «С/х Всесоюзной академии». Прошло уже 5 лет, а осуществлено в этом направлении очень мало. И это не может не чувствоваться в ряде разделов агрономической науки. 3) Опытные учреждения в основном не вышли из первобытного состояния. Усадьбы, оставшиеся от помещиков, полуразорены, работа ведется в довоенных масштабах. Наша минимальная нужда по СФСР — 50 млн, а в нынешнем году впервые отпущено 1 млн, тогда как в Берлине на один институт по селекции затрачено за 4 месяца 4 млн золотых марок. Сравнивая с Италией и другими странами, приходится констатировать нашу нищету».

Такая откровенность пришлась Сталину не по вкусу. Об этом говорят его реплики, на которые Вавилов реагировал спокойно и очень независимо:

«Сталин: Тут не только нищета — тут возможна безалаберность.

Вавилов: 4) наши лаборатории не оборудованы. Наши валютные требования на 5 лет — 10 млн. Мы не в состоянии выписывать иностранную литературу.

Сталин: Иногда всякую макулатуру выписывали. Отказывается разве «Международная книга»?

Вавилов: От нас требуют валюты. Беря на себя посредничество в выписке.

Сталин: На 700 тыс. в год выписывается всякой макулатуры.

Вавилов: Наша обязанность быть на уровне мировой науки» [18].

Сталин с подозрением относился к беспартийным лидерам научных дисциплин, а также к тем из них, кто был раньше меньшевиком или представителем другой партии или был близок к устранившимся от власти партийным и государственным оппонентам Сталина. Он стремился заменить таких, даже если они были талантливыми учеными, своими ставленниками, порой весьма невысокого интеллектуального полета, а также подчинить себе представителей различных научных дисциплин.

9 декабря 1930 г. Сталин встретился с членами партийной ячейки Института Красной Профессуры и провел беседу о положении дел «на философском фронте». Беседа была записана одним из ее участников, будущим академиком М.Б. Митиным. Запись была опубликована в 2002 г., но не привлекла должного внимания исследователей. Сталин разъяснил, как ученым надо относиться к возглавляемым тогда ака-

демиком А.М. Дебориним философским направлением. Главный совет диктатора: энергичней вести борьбу против этих неугодных ему, обвиняя их во всех политических ересьях и навешивая на них всевозможные ярлыки левого и правого толка. «Все это надо основательно разворошить... Ваша главная задача теперь — развернуть во всю критику. Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били».

В беседе речь шла в основном о философии, но упоминались и видные ученые, стоявшие во главе научных школ других наук, в т.ч. и естественных. Говоря о высказываниях деборинцев на эту тему, он заметил «по вопросам естествознания черт знает, что делают, пишут о вейсманизме и т.д. и т.п. — и все выдается за марксизм. Надо разворошить, перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании». А вот воспоминания на эту тему: «На вопрос: "Каковы наши теоретические задачи в области естествознания", — т. Сталин отвечает: "Я не естествовник. Правда, в молодости я много читал Ламарка, Вейсмана, увлекался неоламаркизмом. У Вейсмана очень много мистики. То, что у нас пишется по вопросам теоретического естествознания, имеет много виталистического. Материалы в "БСЭ" по этой линии, по меньшей мере, сумбур, И здесь перед вами большие задачи критического порядка". Эти слова служат одним из объяснений того, почему он так горячо поддержал неоламаркиста Т.Д. Лысенко и так отчужденно отнесся к генетике. Это не сулило видному представителю классической генетики Н.И. Вавилову в будущем ничего хорошего [22].

Сталин был не прочь уже тогда расправиться и с академиком Н.И. Вавиловым. Если для Н.И. Бухарина и его окружения он был приемлемой кандидатурой для плодотворного сотрудничества, то для вождя — персоной нон грата из-за происхождения и независимости мышления.

Уже 21 февраля 1930 г. в «Правде» появилась статья В. Балашова с критикой институтов, возглавляемых Вавиловым, за отрыв от задач социалистической реконструкции сельского хозяйства и прочие мнимые грехи. Через несколько дней ученый ответил на критику в этой статье. В начале 1931 г. последовал еще один материал в газете «Экономическая мысль» [10].

Вскоре после 9 декабря 1930 г. Сталин вспомнил о чуждом ему ученом. 14 марта 1932 г. появилось директивное письмо ОГПУ. «ВАВИЛОВ, — отмечалось в документе, — типичный авантюрист в научной области... Его научное «имя» весьма сомнительной ценности. Известность его за границей приобретена не без содействия контрреволюционных кругов за кордоном» [20]. А вот итог: «Суммируя приведенные выше материалы Экономического У [правления] ОГПУ считает установленным наличие разветвлённой кр. группировки ВАВИЛОВА, стремящейся захватом в свои руки руководства и развития сельского хозяйства Союза вести его по пути задержки и срыва социалистической реконструкции в интересах капиталистической реставрации» [20].

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) автору удалось обнаружить неизвестное письмо Николая Ивановича в секретариат ЦИК СССР. 7 ноября 1933 г. председатель ЦИК М.И. Калинин устроил прием по случаю годовщины Октябрьской революции. Здесь должны были присутствовать все руководители страны, члены ЦИК, и проживавшему в Ленинграде Н.И. Вавилову было послано приглашение. Но оно было получено им лишь 13 ноября, т.е. через шесть дней после приема. Было сделано так, чтобы он не смог успеть прибыть на банкет, где должны были присутствовать Сталин и его окружение.

17 ноября академик Н.И. Вавилов на своем бланке отправил письмо в секретариат

М.И. Калинина: «Ваше любезное приглашение на прием у Председателя ЦИК я получил, к сожалению, только 13 ноября. С товарищеским приветом академик Вавилов» [15]. Николай Иванович, конечно, понял, что это означает. Видимо, Сталин не хотел с ним встречаться на приеме у М.И. Калинина.

Эта негативное отношение к ученому подтвердилось и во втором директивном письме НКВД, подготовленном в 1934 г. по заданию генсека и адресованном «Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину». В нем были приведены показания арестованных ранее коллег Н.И. Вавилова, полученные с помощью пыток и издевательств. Эти сфабрикованные показания комментируют высшие чины ОГПУ: «Политические позиции ВАВИЛОВА резко враждебны Коммунистической Партии и Советской Власти. В узком кругу членов организации обычными являются беседы о кризисе Советской Власти» [20].

Вероятно, оба вышепротитированных документа предназначались для обоснования устранения его со всех многочисленных постов и последующим за этим арестом Николая Ивановича. Но Сталин решил тогда не делать этого. Он всегда был в подобных вопросах осторожен и принял во внимание авторитет ученого как в Академии наук, так и в государственных структурах.

Вскоре Вавилов стал «не выездным» и был положен конец его зарубежным научным экспедициям. В начале 1935 г. в самый последний момент ученому не разрешили отмечать 10-летний юбилей ВИРа и 25-летие научной и общественной деятельности [9]. В марте 1935 г. на VII съезде Советов его лишили поста члена ЦИК, не избрали и в Ленинградский совет. Николая Ивановича сняли с поста Президента ВАСХНИЛ, организации, которая была создана по его инициативе и при его активном участии. Президентом стал А.И. Муралов. Николай Иванович стал вице-президентом. Вероятно, чтобы это сделать, 27 марта 1935 г., по заданию Сталина и на его имя, был подготовлен донос академиков ВАСХНИЛ А.С. Бондаренко и С. Климова. Они писали о враждебности Николая Ивановича и других старых ученых к мероприятиям, исходившим от членов партии, состоявших в ВАСХНИЛ, о его выступлении в защиту репрессированных коллег («горой стоит за вредителей»), о его критике всяких проверок, о том, что он тормозит научную работу и т.д. [20]. С этим доносом Сталин ознакомил 5 апреля 1935 г. членов и кандидатов в члены Политбюро, и решение о снятии Н.И. Вавилова с поста президента ВАСХНИЛ было одобрено ими [2].

Появился претендент в лидеры в сфере сельскохозяйственных наук — украинский агроном Т.Д. Лысенко. Ему нужно было подучиться, чтобы как-то конкурировать с Николаем Ивановичем, опираясь на поддержку Сталина и его режима. Чтобы расширить узкий диапазон его интеллектуальных возможностей, ему был придан философствующий опекун И.И. Презент, который должен был переводить его наивные научные и философские представления на язык науки сталинского толка.

Некоторые исследователи обвиняют Николая Ивановича в том, что именно он был первопричиной возвышения Т.Д. Лысенко. На совещании в Наркомземе в 1931 г. в докладе «Новые пути исследовательской работы по растениеводству» Вавилов затронул вопрос об исследовании вегетационного периода растений и возможного сокращения этого периода и упомянул в числе других исследователей Т.Д. Лысенко. Выступая на VI Международном генетическом конгрессе в США в 1932 г., Вавилов заявил: «Замечательное открытие, недавно сделанное Т. Д. Лысенко в Одессе, открывает новые громадные возможности для селекционеров и генетиков... Это открытие позволяет нам использовать в нашем климате тропические и субтропические разно-

видности». В 1934 г. Лысенко по рекомендации Н.И. Вавилова был избран членом-корреспондентом АН УССР и СССР.

Тем временем Т.Д. Лысенко завоевывал авторитет у партийного и государственного руководства СССР. Он импонировал Сталину своим крестьянским происхождением и обещанием в кратчайшие сроки поднять урожайность зерновых культур, вывести за два с половиной года вместо 10-12 лет новый сорт. Два утописта быстро спелись. На встрече ударников сельского хозяйства с руководителями ВКП(б) и советского правительства. Лысенко произносит речь в чисто сталинском духе о вредительстве в ученом мире, о том, что колхозники «дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора». В ответ — бурные аплодисменты и фраза Сталина: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» [21].

С этого момента невежественный агроном Т.Д. Лысенко превратился в интеллектуальную звезду сталинского режима, стал его научным олицетворением. С 1935 г. он становится членом ЦИК СССР и ВЦИК, академиком ВАСХНИЛ. В 1935 г. он был избран в действительные члены ВАСХНИЛ, а в 1938 г. возглавил ее. С 1936 г. он возглавил Всесоюзный селекционно-генетический институт. В 1937-1966 гг. — он депутат Верховного Совета СССР, 1937-1950 гг. — заместитель председателя Совета союза. В 1939 г. стал академиком АН СССР и затем членом ее Президиума, он был 8 раз награжден орденом Ленина, получил звание Героя социалистического труда, и трижды — лауреата Сталинской премии.

После 1935 г. Лысенко стал считать себя крупной научной величиной, обрел самоуверенность и, опьяненный поддержкой Сталина и других властителей СССР, а также искусственно раздутой славой, стал разжигать ненависть к ученым, работавшим в агрономических науках, негативно высказываться о генетике как науке и о ее основоположниках, вследствие чего отношение академика Н.И. Вавилова к нему изменилось. Уже с 1936 г., когда Лысенко возглавил мероприятия по разгрому советской генетики, начав с заявления об отрицании законов Менделя и невозможности их практического использования в селекционной работе, Вавилов дал ясно понять, что является его научным оппонентом. В 1936 г. Вавилов, выступая с докладом на сессии ВАСХНИЛ «Пути советской селекции», публично выразил несогласие с позицией Лысенко, перестал поддерживать его работы по яровизации и другие ненаучные инициативы и перешел к открытому противостоянию Лысенко.

Н.И. Вавилов попытался объединить и создать предпосылки для совместной работы двух групп биологов на благо страны. Эту линию поведения он проводил в ходе IV сессии ВАСХНИЛ, которая проходила 19-27 декабря 1936 г. Дискуссия выявила две точки зрения: генетиков, защищавших свою научную дисциплину от нападков и дискредитации, и Лысенко с его сторонниками, которые считали эту науку буржуазным извращением мысли и отвергли теорию гена и хромосомную теорию наследственности. Н.И. Вавилов выступал с докладом, говорил об успехах советских селекционеров и научных достижениях генетиков. «Необходимо побольше внимания к работе друг друга, побольше уважения к работе друг друга. Мы будем работать, вероятно, разными методами в ближайшие годы, будем заимствовать лучшее друг у друга, но основной цели, во что бы то ни стало, мы добьемся» — заявил он в заключительном слове [20].

При помощи этой тактики, не обостряя ситуацию, Вавилову удалось на несколько лет продлить плодотворную научную деятельность многочисленной группы биологов, селекционеров и генетиков, которые находились под его началом, сохранить науку и обеспечить на некоторое время более или менее устойчивое развитие советской генетики (она была запрещена в августе 1948 г.)

Но Лысенко не собирался сотрудничать со своими оппонентами. Опираясь на всемерную поддержку Сталина, он жаждал крови, тотального поражения своих оппонентов и репрессий по отношению к ним. Кстати, точно так вели себя и новоиспеченные бездарные лидеры других научных дисциплин, не надеясь на свой весьма незначительный научный потенциал, а упоая в большей степени на поддержку властителей и репрессивных органов.

Такое положение сохранялось с 1937 по 1940 г. Лысенко и его окружение в обстановке «большого террора» вели себя агрессивно и использовали массовые аресты и истерию для уничтожения своих оппонентов, многие из которых были арестованы с их подачи. Самого Вавилова и его единомышленников травили в печати, на различного рода совещаниях, связанных с деятельностью ВИРа. Самый значительный удар нанесли лысенковцы советской генетике и Н.И. Вавилову, сорвав в 1937 г. созыв в Москве международного генетического конгресса и сделав невозможным летом 1939 г. участие делегации советских генетиков в работе конгресса в Эдинбурге [17]. Согласно записке Муратова, отправленной в ЦК 4 мая 1936 г., были разосланы приглашения во все страны и оттуда получены 750 заявок на участие в конгрессе. Ожидался приезд генетиков из США, Англии, Германии, Индии, Австралии, Новой Зеландии, скандинавских стран, были оповещены все крупные биологические и сельскохозяйственные журналы и получено согласие основных докладчиков [8].

Срыв международного конгресса в Москве был инициирован Лысенко. Он не мог допустить созыва в Москве генетического конгресса, работой которого будет руководить Н.И. Вавилов, предстать перед классиками генетики со своими ламаркистскими представлениями. Гершензон вспоминает: «А через несколько дней в комнату рабочей группы Оргкомитета вошел расстроенный Вавилов и рассказал мне (а затем и ведущим сотрудникам института), что в правительственных кругах и в ЦК партии под влиянием Лысенко и его клики, по-видимому, складывается мнение против проведения в СССР уже широко объявленного Международного генетического конгресса. Отмена конгресса означала бы международный скандал и нанесла бы ущерб репутации науки в СССР» [6]. Ни к чему не привел и разговор с главой правительства В.М. Молотовым. Президент АН СССР В.Л. Комаров после разговора в ЦК о судьбе конгресса со своей стороны возмущался тем, что «невежественный агроном Лысенко» оказывает влияние на решение такого важного и престижного вопроса, как международный научный конгресс» [6].

В марте 1936 г. Н.И. Вавилов писал по поводу созыва в Москве генетического конгресса: «Мы держим большой экзамен. Мировые конгрессы, особенно по ведущим таким разделам науки, как генетика, являются показателем культурного уровня страны» [4]. Уровень интеллектуальной культуры тогдашних вождей СССР и страны в целом оказался весьма низким. В результате невежественный Лысенко и его окружение не допустили созыв этого важного научного форума в Москве.

Вскоре возник вопрос о поездке советской делегации генетиков во главе с Н.И. Вавиловым на Международный генетический конгресс в Эдинбург. В конце февраля 1938 г. Николай Иванович получил приглашение Оргкомитета Эдинбургского конгресса. Возглавивший этот комитет директор эдинбургского Института генетики животных профессор Ф.А.Е. Крю, приглашая в Эдинбург советскую делегацию, сообщил ему, что Оргкомитет решил избрать Н.И. Вавилова президентом конгресса.

8 марта 1938 г. Вавилов направил копию приглашения на Эдинбургский конгресс в Президиум АН СССР и просил разрешить «принять участие в работе конгресса и командировать... в 1939 г. в Эдинбург для участия в конгрессе и одновременно для ознакомления с работой биологических учреждений Англии». «Из прилагаемого

письма проф. Крю можно видеть, что председательствующему будет предоставлена возможность говорить о достижениях советской науки и что английские биологи с исключительным вниманием относятся к участию в конгрессе советских генетиков» [3]. Одновременно было отослано и письмо В.М. Молотову.

Вопрос о поездке решался во второй половине мая 1939 г. Лысенко не мог допустить, чтобы Вавилов возглавил делегацию советских генетиков и стал президентом Всемирного конгресса генетиков в Эдинбурге. Он решил, используя ситуацию, нанести удар по Н.И. Вавилову и его сторонникам. 7 июня 1939 г. И.И. Презента отправил письмо В.М. Молотову, в подготовке которого принял участие и Лысенко. Он сопроводил материал Презента своим письмом, которое можно рассматривать как способ давления на Председателя Совнаркома: «Посылаю материал о седьмом Международном генетическом конгрессе. Считаю, что посылать делегацию на Международный генетический конгресс от Советского Союза не нужно. Если же будет решено посылать делегацию, то категорическая просьба меня не включать в ее состав для поездки на конгресс. Академик Т.Д. Лысенко» [3].

В докладной записке обращалось внимание на статью в одном из зарубежных генетических журналов о преследовании советских генетиков: «Этому хору капиталистических шавок от генетики, — отмечалось в документе, — в последнее время начали подпевать и наши отечественные морганисты. Вавилов в ряде публичных выступлений заявляет, что «мы пойдем на костер», изображая дело так, будто бы в нашей стране возрождены времена Галилея. Вместе с Вавиловым идут и его генетические соратники проф. Карпеченко, проф. Розанова, проф. Кольцов, проф. Серебровский, Дубинин. Лидером этой группы является Вавилов. Поведение Вавилова и его группы приобрело в последнее время совершенно нетерпимый характер... Вавилов и вавиловцы окончательно распоясались, и нельзя не сделать вывод, что они постараются использовать международный генетический конгресс для укрепления своих позиций и положения... В настоящее время подготовка к нашему участию в конгрессе находится целиком в руках Вавилова, и это далее никоим образом нельзя терпеть. Если судить по той агрессивности, с которой выступают Вавилов и его единомышленники, то не исключена возможность своеобразной политической демонстрации «в защиту науки» против ее «притеснения» в Советской стране. Следует учесть, что все руководство конгресса находится в руках формальных генетиков и работа конгресса будет проходить под эгидой пресловутой дрозифилитистике, которая ничего не дает и не может дать нашей социалистической практике. По нашему мнению, следовало бы также опубликовать, что Вавилов, как председатель конгресса, отнюдь не является делегатом, посылаемым нашей страной, а участвует в конгрессе персонально, и его теоретическая концепция не выражает направления исследований и установок нашей передовой агробιοлогической науки» [17].

Письмо И.И. Презента, инициированное Т.Д. Лысенко, закрыло Н.И. Вавилову и его коллегам путь на Эдинбургский генетический конгресс. Место президента конгресса так и осталось незанятым. На сцене стояло пустое кресло, предназначенное для Вавилова... Крю заявил: «Вы пригласили меня исполнить роль Вавилова, который бы ее великолепно украсил. Вы вопреки моей воле надеваете на меня это одеяние, и если я буду выглядеть в нем неуклюже, то не забудьте, что мантия была сшита на более крупную фигуру» [17].

Николая Ивановичу удалось добиться в октябре 1939 г. проведения второй дискуссии на генетическую тему под эгидой журнала «Под знаменем марксизма». Его редактировал академик М.Б. Митин, который устраивал подобные обсуждения

с идеологическим подтекстом. В ходе дискуссии выявилась непримиримость позиции двух сторон. Академик Вавилов доказывал, что точка зрения Лысенко «стоит не только в противоречии с группой советских генетиков, но и со всей современной биологической наукой... Специфика наших расхождений заключается еще и в том, что под названием передовой науки нам предлагают вернуться, по существу, к воззрениям, которые пережиты наукой, т.е. к воззрениям первой половины XIX века». «Выступление Н.И. Вавилова на этом совещании, — отметил А.Е. Гайсинович, — в корне отличалось от доклада на IV сессии ВАСХНИЛ 1936 г. Теперь Н.И. Вавилов взял на себя трудную задачу отстоять основные положения современной генетики и селекции, основываясь преимущественно на новейших достижениях мировой науки и практики» [5]. Николая Ивановича при этом вдохновляла активная позиция его молодых коллег, и он надеялся, что его противостояние мракобесию Т.Д. Лысенко и его окружению будет успешным. Гершензон вспоминал: «Следующим утром Вавилов созвал у себя в кабинете научных сотрудников Института генетики и гневно с возмущением рассказал об агрессивной и невежественной вчерашней речи Лысенко, призвал нас и через нас всех советских генетиков бороться с невежественными бреднями Лысенко, дабы оградить советскую генетику от вреда, который они могут ей нанести. В этот день возник для меня новый облик Вавилова, страстного, вдохновенного трибуна, бесстрашного борца за истину» [6]. Осведомители НКВД сообщали о следующих высказываниях Николая Ивановича в это время: «... Никаких сомнений в полной [нашей] правоте у нас нет, ни одной пяди своих позиций мы не уступим. История за нас, и история оценит нас. Ну а борьба сейчас, — это сражение Фауста с Валентином ... Сам по себе ЛЫСЕНКО слаб, но за ЛЫСЕНКО стоит поддержка руководства партии и правительства, которая обеспечивает ему победу в борьбе с истиной в науке...» [20].

В. Сойфер в своей книге «Власть и наука» утверждал, что Николай Иванович своим резкими высказываниями оттягивал момент своей гибели [21]. Вероятнее всего, это заблуждение. Наоборот, активизация антилысенковских выступлений приближала этот момент. Но Николай Иванович об этом не думал. Он действовал как принципиальный ученый, пытаясь защитить науку от мракобесия и невежества, которые вели сельское хозяйство в тупик. Резкие характеристики Лысенко, сопротивление его выпадам против генетики, его беспомощность и неспособность одолеть своего оппонента в научном споре побуждали бывшего украинского агронома добиваться скорейшего ареста и уничтожения своего оппонента. У Николая Ивановича появились сложности и в Академии наук, которая с 1930 г. беспрекословно подчинялась Сталину. Накануне ареста Вавилов ощущал непонимание и отчужденность в различных государственных учреждениях. Ученому на заседании Президиума АН так и не удалось добиться публикации сборника «Критический пересмотр основ генетики». Вавилову пришлось защищать генетику от многочисленных нападок и упреков. Гершензон отмечает: «Вавилов отвечал резко, взволнованно, заявлял, что эти нападки необъективны... Втроем, Н.И. Вавилов, я и А. Жебрак, вышли из зала заседания. Николай Иванович был вне себя, он метался по дороге от Нескучного дворца до Большой калужской улицы. Полы его серого пальто развивались, как крылья. Словно раненный большой добрый и безумный слон, он почти кричал. А.Р. Жебрак и я всячески успокаивали его» [7].

У Т.Д. Лысенко было много возможностей побудить советских властителей арестовать академика Н.И. Вавилова. Он сам принадлежал к их кругу, общался с ними на различных форумах, опирался на поддержку верхушки НКВД, отпрашив-

шей на тот свет не одного биолога и генетика, ненавистного Лысенко. Позднее он отрицал свою причастность к аресту и гибели Николая Ивановича, говорил о своем позитивном отношении к созданной им коллекции культурных растений в ВИРе, отмечал ее научное значение. Но документы того времени однозначно говорят о другом: в действиях Лысенко в 1939-1940 гг. не было и следа уважительного отношения к своему оппоненту, а лишь звериная ненависть, которая обретала все более злобный характер. Более того, есть основание считать, что в 1940 г. Т.Д. Лысенко сознательно провоцировал Николая Ивановича на конфликты, чтобы подтолкнуть своих покровителей к мысли об аресте Вавилова и расправе над ним, якобы, для того, чтобы защитить своего обиженного ставленника. Именно этим можно объяснить то, что произошло в одном из павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, который оформлял Николай Иванович, за что он накануне ареста получил золотую медаль. Художник Г.В. Аркадьев рассказывает: «Под руководством Николая Ивановича я оформлял один павильон. Вдруг открылась дверь, и вошел Лысенко. Он начал делать замечания. Между ним и Вавиловым возник спор, который чуть не дошел до рукопашной. «Я — депутат Верховного совета и не позволю себя оскорблять, вы ответите за все», — закричал Лысенко и удалился» [16]. Не исключено, об этом эпизоде он доложил своим высоким покровителям и просил защитить его. Еще один скандал произошел накануне самого ареста, когда Вавилов зашел в благодушном настроении в кабинет Лысенко, очевидно, для оформления командировки в Западную Украину. Л.П. Бреславец вспоминала, как Вавилов, хлопнув дверью, выбежал из кабинета Лысенко. Одна из присутствующих сотрудница ВАСХНИЛ на этой встрече упомянула слова Николая Ивановича: «Благодаря Вам нашу страну другие страны обогнали» [14]. Получается, что накануне ареста отношение Лысенко к Н.И. Вавилову было более чем враждебное, а это подтверждает возможность того, что он использовал свое влияние на Сталина и его окружение, чтобы с их помощью отправить его на Лубянку со всеми вытекающими для него последствиями.

Есть доказательства того, что НКВД во главе с Л.П. Берией персонально опекали Т.Д. Лысенко, следили за его оппонентами и их выступлениями. Историки А. Амузин, В. Сойфер и М. Поповский обратили внимание на письмо шефа НКВД В.М. Молотову от 16 июля 1939 г. Приводилась следующая позиция: «НКВД рассмотрел материалы о том, что после назначения Лысенко Т.Д. Президентом Академии сельскохозяйственных наук. Вавилов Н.И. и возглавляемая им буржуазная школа так называемой «формальной генетики» организовала систематическую кампанию с целью дискредитировать Лысенко как ученого... Поэтому прошу Вашего согласия на арест Вавилова Н.И.» [1]. Проведенный автором источниковедческий анализ материалов НКВД, в том числе и документов, которые легли в основу письма от 16 июля 1939 г., показал, что в письме Берии не было ни слова об аресте [16]. Таким образом, Берия отправил Молотову чисто информационное письмо на основании записки начальника Главного экономического управления НКВД А.З. Кобулова «О борьбе реакционных ученых против академика Т.Д. ЛЫСЕНКО», где говорилось, что «по оперативным данным реакционная антисоветская часть академиков (Н.И. ВАВИЛОВ, Д.Н. ПРЯНИШНИКОВ и др.) становятся в позу защитников советской генетики от «нападок» ЛЫСЕНКО и усиленно пытаются дискредитировать ЛЫСЕНКО как ученого». Далее упоминались В.Л. Комаров, Г.М. Кржижановский, Н.К. Кольцов, А.Е. Ферсман, Л.А. Орбели.

Поскольку В.М. Молотов как глава правительства курировал АН СССР, Берия, вероятно, решил просто проинформировать его о негативном отношении академиков к Т.Д. Лысенко, чтобы были приняты меры для его поддержки. Три упомянутых

выше автора объясняют, почему Молотов оттянул на год арест Николая Ивановича. Но он этого просто не делал. Вопрос решал не Молотов, а Сталин.

В феврале 1940 г. в недрах 3-го отделения Главного экономического управления НКВД появилась справка на академика, где были собраны сфабрикованные показания, удостоверяющие его руководящую роль в «К-р вредительской организации и обвиняющие его в шпионаже» [20]. Справка, подготовленная в мае 1940 г., также содержала большой набор сфабрикованных показаний со всевозможными обвинениями и завершалась обвинением в борьбе против работ Лысенко, Цицина и Мичурина, «имеющих решающее значение для хозяйства СССР» [20]. В третьей справке говорилось об антикоммунистических взглядах ученого, о критическом отношении к тов. Сталину. Справка завершалась словами: «На основании изложенного, полагал бы ВАВИЛОВА Николая Ивановича арестовать и на квартире произвести обыск» [20]. Вероятно, при подготовке этих материалов сотрудники НКВД опирались на помощь Т.Д. Лысенко, И.И. Презента и их окружения, которые собирали и использовали в своих выступлениях компромат на Николая Ивановича.

Академик Н.И. Вавилов предчувствовал недоброе. Он неплохо знал бездушно-го и переполненного к нему ненавистью Т.Д. Лысенко, его беспощадного и злобного покровителя и хорошо понимал, какие ужасы ему могут предстоять. М.Г. Зайцева писала: «Мне вспоминается еще одна встреча, в общем уже печальная... Это было время, когда уже сгущались тучи. Я помню мы приехали к Олегу. Дома был Николай Иванович, потом пришел Сергей Иванович и устроился в бабушкиной комнате на маленьком сундучке. И вот состоялся разговор. Н.И. сказал с горечью, что, садясь в поезд в Ленинграде, он никогда не уверен, что доедет до Москвы» [14, с. 163] А вот две зарисовки этого времени: «Он как-то потускнел в последний год. Не стало прежнего блеска в глазах, всегдашней вавиловской чуточку ироничной веселости»; «На людях он еще держался, но дома наедине с собой, мрачнел, совсем становился стариком... Удары судьбы разрушали его душу и тело этого могучего человека» [16].

Сталин умел внушать надежду своим потенциальным жертвам и ловко закручивать сюжеты своих преступлений. Поэтому арестовали Николая Ивановича не в Москве и не в Петербурге, где об этом аресте сразу узнали бы многие, в том числе и иностранные дипломаты. Николая Ивановича решили направить во главе экспедиции для исследования культурных растений в Западную Украину, которая недавно была присоединена согласно секретным протоколам к Пакту о ненападении с Германией к Советскому Союзу. Первоначально намечалась, что экспедиция продлится с 1 июля по 15 августа 1940 г. Но дело затянулось. М. Поповский считает, что причиной этого был Т.Д. Лысенко, который, якобы опасался успеха Николая Ивановича и всячески тормозил отъезд [14]. Думаю, однако, что задержка могла быть связана с затянувшейся подготовкой ареста. Цель этой экспедиции была не научная, а криминальная. Неслучайно Николая Ивановича арестовали 6 августа 1940 г., в первый же день пребывания в Черновцах [16].

Николай Иванович все же надеялся, что экспедиция настоящая, научная, и его не тронут. Встретив накануне отъезда в Наркомземе одного из сотрудников ВИРа, он сказал ему: «Ну вот, видите, все идет по спирали. Нас опять оценили. Вот приказ об экспедиции» [14].

Арестовав и уничтожив Николая Ивановича, Сталин, подстрекаемый Лысенко, нанес такой удар по отечественному сельскому хозяйству, от которого оно так и не пришло в себя. У нас нередко говорят о его благоразумии, о тщательно обдуманных им решениях. Но в его действиях было немало эмоциональных всплесков, которые вели страну к плачевным результатам. Расправа над гениальным ученым была одним

из таких роковых действий, которое привело к тяжелым последствиям. Гибель гения равнозначна природной катастрофе всемирного характера.

12 августа 1940 г. Вавилов назвал главную причину ареста, отметив, что показания на него исходят от его оппонентов, т.е. от Т.Д. Лысенко и его окружения. «Я считаю, — заявил он, — что материалы, имеющиеся в распоряжении следствия, односторонне и неправильно освещают мою деятельность и являются, очевидно, результатом моих разногласий в научной и служебной работе с целым рядом лиц, которые, по-моему, тенденциозно характеризовали мою деятельность. Я считаю, что это не что иное, как возводимая на меня клевета» [20].

У Сталина была возможность помиловать Николая Ивановича. 26 июля 1941 г. Президиум Верховного совета СССР рассматривал ходатайство приговоренного к расстрелу Николая Ивановича о помиловании. В заседании приняли участие Сталин, Калинин, Маленков, Горкин и Шкирятов. Вот решение этой пятерки:

«Ходатайство о помиловании ВАВИЛОВА Николая Ивановича, осужденного 9 июня 1941 года приговором Военной Коллегии Верховного СУДА СССР гор. Москвы к высшей мере наказания по ст.ст. 58-1 «а», 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

ПОСТАНОВИЛИ:

Ходатайство о помиловании Вавилова Н.И. отклонить» [20].

Два раза на разных этапах следствия и один раз после его окончания Николай Иванович обращался с письмами к наркому внутренних дел Л.П. Берии, где доказывал свою невиновность и просил разобраться в его деле. Жена Берии Нина Теймуразовна работала вместе с академиком Д.Н. Прянишниковым, и Николай Иванович мог рассчитывать на понимание и сочувствие [20]. Но во всех трех случаях дело не сдвинулось с мертвой точки. Л.П. Берии так и не удалось поколебать Сталина в его желании уничтожить ненавистного ему ученого. Слишком много ненависти к гению мировой науки накопилось в нем, и его решимость уничтожить его ничто не могло поколебать.

Достаточно взглянуть на список допросов и принять во внимание, когда и как они проходили, чтобы понять высшую степень варварства Сталина, который придумал эту советскую инквизицию с пытками и издевательствами и даже зафиксировал свои дьявольские находки в решениях ЦК [20]. Николай Иванович как мог переносил эти пытки, он признал второстепенные обвинения, но отказался признать главное обвинение в предательстве и шпионаже. О причинах своего сопротивления он рассказал своему сокамернику П.М. Лобову, который исполнял роль подсадной утки НКВД: «ВАВИЛОВ однажды заявил мне, что уже, куда бы не шло, следователя он бы давно удовлетворил и не мучил себя, если бы не был уверен, что его показаниями интересуются некоторые высокие инстанции. А дать в руки этих инстанций подобный документ — значит положить голову на плаху» [20]. Думаю, что Вавилов был прав: Сталин просматривал протоколы допросов особенно ненавистных ему заключенных, и это доставляло ему садистское наслаждение.

С помощью своей тактики Николаю Ивановичу удалось продлить следствие. Он надеялся на то, что произойдут события, которые изменят его положение. 23 апреля 1942 г. Николай Иванович, находившийся в камере смертников, был представлен для баллотировки в Лондонское королевское общество и избран его членом 18 июня 1942 г. 27 июня 1942 г. высшая мера наказания была заменена 20 годами исправительно-трудовых лагерей. Почему же такие метаморфозы не спасли гениального ученого от гибели?

Дело в том, что судьба Николая Ивановича зависела от двух человек — Сталина и Лысенко. О звериной ненависти вождя уже шла речь. Но она все время

подпытывалась не менее злобным отношением к гениальному ученому со стороны Т.Д. Лысенко. Он не был заинтересован в освобождении своего оппонента и делал все, чтобы тот остался в тюремной неволе. Несомненно, что Лысенко был проинформирован своими покровителями из НКВД о ходе следствия, возможно даже просматривал протоколы допросов, и у него вряд ли промелькнула мысль о милосердии, о том, чтобы замолвить слово о Вавилове, прекратить его страдания.

На заключительной стадии следствия Т.Д. Лысенко принял непосредственное участие в его завершении. 5 мая 1941 г. следователь А.Г. Хват направил рапорт на имя начальника следственной части НКГБ Л.Е. Влодзимирского с запросом о составе экспертной комиссии. 9 мая Лысенко выразил согласие с пятью кандидатурами и стал по существу соучастником расправы над Н.И. Вавиловым, каковым он и был все время с момента ареста до дня его гибели 26 января 1943 г. [20].

Когда речь идет о миллионах людей, арестованных, уничтоженных в сталинские годы, историки порой абстрагируются от того, кто виноват в гибели невинных людей в их душевных и физических страданиях, муках, в пытках и издевательствах, наконец, в гибели ни в чем неповинных людей. Между тем адресат всегда известен и необходимо в каждом отдельном случае называть виновных, тех, кто арестовывал, кто доносил, провоцировал арест, издевался над арестованными, кто расстреливал или доводил до смерти. Нужно этих извергов поставить к позорному столбу истории, чтобы не было повадно оправдывать и возносить их до небес. В случае с гением мировой науки академиком Николаем Ивановичем Вавиловым имелось два таких чудовища — Сталин и Лысенко. Они нанесли такой урон Советской России (СССР), что это стало одной из причин гибели Великой державы.

Библиографический список

1. Амусин А. «Я служил Родине, а не правительству» // Волга. 1991. № 2. 140 с.
2. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 30. Д. 63. Л. 141.
3. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929-1940. М., 1987. С. 371-372.
4. Вавилов Н.И. Международный конгресс генетиков в Москве // Известия. 1936. 29 марта.
5. Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики. М., 1988. 422 с.
6. Гершензон С.М. Тропой генетики. Киев, 1992. 176 с.
7. Дубинин В.П. Вечное движение. М., 1973. 235 с.
8. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1952-1952/ сост. В.Д. Есаков. М., 2010. 1280 с.
9. Есаков В.Д. Николай Иванович ВАВИЛОВ: страницы биографии. М., 227 с.
10. Глазко В.И. Николай Иванович Вавилов и его время. Хроника текущих событий. Киев, 2005. 448 с.
11. Крылов В.В. Выборы или выбор? К истории избрания президента Академии наук СССР. Июль 1945 // Исторический архив. 1996. № 2. С. 146-152.
12. Наука и техника в первые десятилетия советской власти: социокультурное измерение (1917-1940) / под ред. д-ра биол. наук Е.Б. Музруковой; ред.-сост. д-р биол. наук Л.В. Чеснова. М., 2007. 496 с.
13. Овчинников Н.В. Академик Трофим Денисович Лысенко. М., 2009. 232 с.
14. Поповский М. Дело академика Вавилова. М., 1999. 304 с.
15. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 455. Л. 2.
16. Рокитянский Я.Г. Голгофа Николая Вавилова. Биографический очерк // Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы / сост. Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. 2 изд. доп. и испр. М., 2000. 552 с.

17. *Рокитянский Я.Г.* Драма в двух действиях. О VII международном конгрессе генетиков. Три архивных документа // Вестник РАН. 2003. № 12. С. 1ПЗ-1129.
18. *Рокитянский Я.Г.* Николай Вавилов и Сталин. Неизвестная встреча. 15 марта 1929 года // Природа. 2009. № 12. С. 53-58.
19. *Рокитянский Я.Г.* Предыстория избрания Николая Вавилова в действительные члены АН СССР // Научное наследие Н.И. Вавилова — фундамент развития отечественного и мирового сельского хозяйства: материалы Международной научной конференции. 26-26 ноября 2007 г. М., 2008. С. 136-142.
20. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД / сост. Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. 2-е изд. доп. и испр. М., 2000. 532 с.
21. *Сойфер В.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993. 704 с.
22. *Троицкий В.П.* «Бить по всем направлениям и там, где не били». Запись беседы бюро ячейки ИКП Ф. и Е. по вопросу о положении на философском фронте с т. Сталиным. 9 декабря 1930 г. // Посев. 2002. № 4.

STALIN — INITIATOR, LYSENKO IS THE MAIN INSTIGATOR OF AN ACADEMICIAN N.I. VAVILOV'S ASSASSINATION

Y.A.G. ROKITYANSKIY

In this paper a true relation of I. Stalin to N. Vavilov is shown based on archive data. The general secretary shared opinions of his protégé'— T. Lysenko — about genetics and western geneticists. Critical speeches of N. Vavilov against T. Lysenko annoyed I. Stalin. He couldn't arrest N. Vavilov before because of his popularity in the West and their reaction to possible arrest that's why I. Stalin was waiting. Though he has destroyed much more moderate scientists. On the 1st of September in 1939 the world situation changed completely The World War II has begun. Fascist Germany which made non-aggression pact with the USSR on the August, 23rd attacked Poland. The Great Britain and France declared war. In this situation it wasn't necessary to take reaction of western scientists because of N. Vavilov's arrest into account. All that resulted in that man of genius was arrested and died in Saratov prison.

Key words: N. Vavilov, T. Lysenko, I. Stalin, science, genetics, assassination.

Информация об авторе

Рокитянский Яков Григорьевич — к. ист. н., редакция журнала «Вестник Российской академии наук»; тел. (499) 238-21-23.